

Научная статья

УДК 343.222.1

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/130-141>

СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЭКССЕССА ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Арам Артурович Гюлбанкян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия,

aram.gyulbankyan@inbox.ru

Аннотация. На основании анализа нормативных и судебных правил квалификации совместной преступной деятельности, критического осмысления различных теоретических подходов, результатов социологических опросов в статье сформулированы рекомендации по вопросам уголовно-правовой оценки эксцесса исполнителя преступления.

В результате проведенного исследования автор констатирует, что единый умысел соучастников определяет рамки, в границах которых должен действовать (бездействовать) исполнитель. При этом договоренность соучастников о применении конкретного способа совершения преступления нельзя воспринимать в качестве некоего предельно четкого «технического задания», отклонение от которого разрушает единство умысла. Эта договоренность задает верхнюю границу, за которую не должен выходить исполнитель. В свою очередь нижняя граница единого умысла определяется целью совместных действий соучастников – допустим, похитить определенное имущество, убить конкретного потерпевшего, осуществить сбыт наркотиков. Выход исполнителя за эту границу, т. е. совершение им действий, идущих вразрез с совместной целью (например, уничтожение чужого имущества вместо его хищения, причинение потерпевшему побоев вместо его убийства), полностью разрушает соучастие.

Если же исполнитель реализует общую цель соучастников и не превышает при этом верхнюю границу согласованных с ними действий, то он не выходит за рамки единого умысла соучастников, даже когда модифицирует заранее оговоренный способ совершения преступления. В субъективной плоскости совместность как признак соучастия в преступлении предполагает, что все соучастники относятся к совместно совершаемому преступному деянию как к «своему». Применение испол-

нителем менее опасного способа совершения преступления, при условии, что общая цель соучастников была достигнута, не делает преступное деяние исполнителя «чужим» для остальных соучастников. Иными словами, в этом случае менее опасное деяние, фактически совершенное исполнителем, остается в границах единого умысла, не выходит за его рамки, что исключает эксцесс исполнителя.

Ключевые слова: эксцесс исполнителя преступления, количественный эксцесс исполнителя, эксцесс в меньшую сторону, соучастие в преступлении, единство умысла соучастников.

Для цитирования: Гюлбанкян А. А. Сложные вопросы квалификации эксцесса исполнителя преступления // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 130–141. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/130-141>.

Original article

DIFFICULT QUALIFICATION ISSUES OF EXCESS OF THE PERFORMER OF THE CRIME

Aram Arturovich Gyulbankyan

Kuban State University, Krasnodar, Russia, aram.gyulbankyan@inbox.ru

Abstract. Based on the analysis of the normative and judicial rules for the qualification of joint criminal activity, critical reflection on various theoretical approaches, and the results of sociological surveys, the article formulates recommendations on the criminal law assessment of the kurtosis of the perpetrator of the crime.

As a result of the study, the author states that the common intent of the accomplices determines the framework within which the perpetrator must act (inaction). At the same time, the agreement of the accomplices on the use of a specific method of committing a crime cannot be perceived as some kind of extremely clear "technical task", the deviation from which destroys the unity of intent. This agreement sets an upper limit beyond which the performer must not go. In turn, the lower limit of a single intent is determined by the purpose of the joint actions of the accomplices - for example, to steal certain property, kill a specific victim, or sell drugs. The exit of the performer beyond this border, i.e. the commission by him of actions that are contrary to the joint goal (for example, the destruction of someone else's property instead of stealing it, inflicting beatings on the victim instead of killing him), completely destroys complicity.

If the performer realizes the common goal of the accomplices and does not exceed the upper limit of the actions agreed with them, then he does not go beyond the common

intent of the accomplices, even if he modifies the predetermined method of committing the crime. In the subjective plane, jointness as a sign of complicity in a crime suggests that all accomplices treat the jointly committed criminal act as "their own". The use by the perpetrator of a less dangerous method of committing a crime, provided that the common goal of the accomplices has been achieved, does not make the criminal act of the perpetrator "alien" for the other co-participants. In other words, in this case, the less dangerous act, actually committed by the performer, remains within the boundaries of a single intent, does not go beyond it, which excludes the excess of the performer.

Key words: kurtosis of the executor of the crime, quantitative kurtosis of the executor, kurtosis in a smaller direction, complicity in a crime, unity of intent of accomplices.

For citation: Gyulbankyan A. A. Difficult qualification issues of excess of the performer of the crime // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 2. С. 130–141. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/130-141>.

В теории уголовного права принято разграничивать количественный и качественный эксцесс исполнителя преступления. В основу этой классификации положен критерий однородности (неоднородности) фактически совершенного эксцессного преступления с тем преступлением, которое было изначально задумано соучастниками преступления и охватывалось их умыслом. При количественном эксцессе исполнитель совершает однородное преступление, которое не охватывалось умыслом иных соучастников, а при качественном эксцессе – неоднородное преступное деяние, выходящее за пределы изначального преступного сговора.

Как правило, количественный эксцесс выражается в совершении исполнителем более тяжкого преступления, чем первоначально запланированное соучастниками. Исходя из этого, некоторые специалисты категорично заявляют, что количественный эксцесс заключается «в совершении более тяжкого однородного преступления», в сравнении с тем, что охватывалось преступным умыслом остальных соучастников. «При количественном эксцессе, – пишет Н. В. Толстопятова, – исполнитель совершает, как правило, однородное с задуманным всеми соучастниками деяние, но усугубляет его более опасным способом или другими обстоятельствами, наличие которых вызывает более опасные последствия, значительно повышает общественную опасность совершенного» [1, с. 8, 19].

С этой точки зрения, количественный эксцесс выражается в превышении исполнителем пределов того преступного результата, к которому стремились соучастники. Иными словами, в такой трактовке количественный эксцесс – это всегда эксцесс «в большую сторону», т. е. в направлении повышения общественной опасности.

Однако такой подход разделяется далеко не всеми представителями уголовно-правовой доктрины. Так, О. С. Капинус и К. В. Ображиев не без оснований указы-

вают, что «исполнитель может по своей инициативе совершить менее тяжкое преступное посягательство на тот же объект уголовно-правовой охраны. Например, исполнитель, имея предварительную договоренность с иными соучастниками о хищении чужого имущества путем разбойного нападения с применением оружия, воспользовался непродолжительным отсутствием собственника и совершил тайное хищение этого имущества. Или при наличии совместного конкретизированного умысла соучастников на убийство общепасным способом (путем подрыва автомобиля потерпевшего) исполнитель убил потерпевшего иным способом, не относящимся к числу общепасных» [2, с. 47].

К такому же выводу приходит и А. Ю. Корчагина: «Понятием эксцесса исполнителя охватываются случаи совершения исполнителем не только более тяжкого преступления по отношению к планировавшемуся (в 54 % случаев), но и равной степени тяжести (24 %) и менее тяжкие (23 %). Это позволяет говорить, что в современном понимании понятие эксцесса не полностью соответствует своему буквальному значению и распространяется на случаи совершения преступлений более тяжких, менее тяжких и равной степени тяжести по отношению к изначально запланированному преступлению» [3, с. 18]. И хотя приведенные выше данные о процентном соотношении проявлений эксцесса исполнителя вызывают серьезные сомнения (анализ судебной практики показывает, что «эксцесс в меньшую сторону» – это довольно редкое явление, которое встречается лишь в единичных случаях), с самой возможностью так называемого «эксцесса в меньшую сторону» стоит согласиться.

Надо признать, что единый подход к квалификации «эксцесса в меньшую сторону» в уголовно-правовой науке не выработан. Консенсус достигнут лишь в части квалификации действий исполнителя, совершившего менее тяжкое однородное преступление: все специалисты солидарны в том, что он должен нести ответственность за фактически исполненное преступное деяние. Что же касается иных соучастников, которые планировали совершение более тяжкого преступления, то имеющиеся теоретические рекомендации по квалификации их действий крайне противоречивы. При этом в широкой палитре мнений относительно уголовно-правовой оценки их действий можно выделить следующие основные подходы.

1. Согласно первому из них, действия организатора, подстрекателя, пособника, имеющих умысел на совершение более тяжкого преступления, необходимо квалифицировать как *приготовление к этому более тяжкому преступлению*. Проецируя эти рекомендации в практическую плоскость, А. А. Арутюнов приводит такой пример: «Соучастники договорились совершить грабеж, а исполнитель нашел возможным обойтись без открытого похищения имущества и совершил кражу. ...В этих случаях исполнитель должен нести ответственность только за совершение кражи, поскольку в отношении грабежа имеет место добровольный отказ. Остальные соучастники несут ответственность за грабеж по правилам, предусмотренным для неоконченного пре-

ступления. ...Приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления (ч. 1 ст. 30 УК РФ) признаются приготовлением к преступлению» [4, с. 192–193].

2. Представители второго подхода полагают, что в случаях, когда исполнителем совершено менее тяжкое преступление, чем планировалось, действия организатора, подстрекателя, пособника необходимо квалифицировать как *соучастие в покушении на более тяжкое преступление* [5, с. 24–26]. В качестве примера реализации этого подхода приводится следующая ситуация: «Исполнитель совершает менее тяжкое однородное преступление, чем было предусмотрено соучастниками (например, тайное хищение чужого имущества вместо грабежа). В действиях исполнителя имеет место совершение кражи, так как произошла трансформация умысла в сознании исполнителя. В таком случае исполнитель привлекается к уголовной ответственности по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК (п. «а» ч. 4 ст. 158 УК). Действия других соучастников квалифицируются как покушение на грабеж» [6, с. 76–77].

3. Сторонники третьего подхода считают, что при эксцессе в меньшую сторону действия организатора, подстрекателя, пособника необходимо квалифицировать как *соучастие в оконченном более тяжком преступлении, которое было изначально запланировано соучастниками*. «Например, подстрекатель склонил исполнителя к разбою, а исполнитель совершил кражу. В этом случае первый несет ответственность за подстрекательство именно к разбою, а исполнитель – только за фактически совершенную кражу» [7, с. 32].

4. Четвертый подход сводится к тому, что действия иных соучастников нужно квалифицировать как *соучастие в том менее тяжком преступлении, которое фактически совершено исполнителем*. Обосновывая этот подход, его представители указывают, что «если соучастники сговорились совершить хищение определенного имущества у конкретного потерпевшего путем разбойного нападения с применением оружия, то хищение этого имущества менее опасным способом не выходит за пределы совместного умысла. Точно так же при наличии сговора на совершение убийства общепасным способом причинение смерти потерпевшему не квалифицированным способом "укладывается" в рамки совместного умысла соучастников». На этом основании делается вывод о том, что «квалификация действий иных соучастников ... является производной от квалификации исполнительских действий. Следовательно, в первом примере (совершение кражи вместо разбоя) иные соучастники должны нести ответственность за соучастие в краже, а во втором примере (совершение «простого» убийства вместо убийства общепасным способом) – за соучастие в убийстве без квалифицирующих признаков» [8, с. 47–48].

Не прослеживается единства мнений по рассматриваемому вопросу и среди опрошенных нами экспертов из числа сотрудников правоприменительных органов. В рамках проведенного нами социологического исследования для экспертной оценки были представлены две ситуации.

В первой ситуации подстрекатель склонил исполнителя к совершению убийства потерпевшего путем взрыва его автомобиля, т. е. к убийству общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ), однако исполнитель вопреки предварительной договоренности подкараулил потерпевшего в туалете и убил его ножом, совершив «простое» убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Ответы респондентов на вопрос о квалификации действий подстрекателя распределились следующим образом:

- ч. 1 ст. 30, п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. приготовление к убийству общеопасным способом (0 %);

- ч. 4 ст. 33, ч. 3 ст. 30, п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. подстрекательство к покушению на убийство общеопасным способом (0,8 %);

- ч. 4 ст. 33, п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. подстрекательство к убийству общеопасным способом (59,1 %);

- ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, т. е. подстрекательство к «простому» убийству (38,8 %);

- затруднились с ответом 1,2 % опрошенных.

Во второй ситуации, предложенной для оценки экспертам, подстрекатель склонил исполнителя к совершению открытого хищения чужого имущества в крупном размере (п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ), однако исполнитель, воспользовавшись временным отсутствием потерпевшего, совершил тайное хищение этого же имущества (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Применительно к этой ситуации респонденты ответили на вопрос о квалификации действий подстрекателя следующим образом:

- ч. 1 ст. 30, п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. приготовление к грабежу в крупном размере (0 %);

- ч. 4 ст. 33, ч. 3 ст. 30, п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ, т. е. подстрекательство к покушению на грабеж в крупном размере (0,8 %);

- ч. 4 ст. 33, п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ, т. е. подстрекательство к грабежу в крупном размере (61,1 %);

- ч. 4 ст. 33, п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, т. е. подстрекательство к краже в крупном размере (36,8 %);

- затруднились с ответом 1,2 % опрошенных.

Как показывают результаты проведенного опроса, практики категорически не поддерживают первый теоретический подход, согласно которому в рассматриваемых ситуациях имеет место приготовление к более тяжкому преступлению. В основу этого подхода, по всей видимости, положены правила квалификации неудавшегося соучастия (ч. 5 ст. 34 УК РФ), но в нашем случае они неприменимы, поскольку исполнитель, добровольно отказавшись от совершения более тяжкого преступления, изначально запланированного с соучастниками, тем не менее реализует единый умысел соучастников посредством совершения менее тяжкого преступного посягательства (убивает потерпевшего, похищает имущество). Следовательно, со-

участие в этих случаях все-таки имеется, а значит, основания для применения правил квалификации неудавшегося подстрекательства, зафиксированных в ч. 5 ст. 34 УК РФ, отсутствуют.

Не получил поддержки у правоприменителей и второй подход, с точки зрения которого содеянное следует квалифицировать как подстрекательство к покушению на более тяжкое преступление, о котором изначально договаривались соучастники. Причем позиция практиков представляется вполне оправданной, ведь по нормативным правилам квалификации преступлений, совершенных в соучастии, сложное соучастие в неоконченном преступлении вменяется при условии, что исполнитель не довел преступление до конца. Согласно ч. 5 ст. 34 УК РФ, если исполнитель совершил покушение на преступление, то остальные соучастники несут уголовную ответственность за покушение на преступление, а точнее, за соучастие в покушении на преступление. В этом проявляются акцессорные начала ответственности соучастников, квалификационная зависимость организатора, подстрекателя, пособника от деяния исполнителя преступления [9, с. 29–34]. Но в нашем случае исполнитель не совершает покушения на более тяжкое преступление, которое изначально было предметом предварительного сговора с иными соучастниками. А значит, мы не можем вменять организатору, подстрекателю и пособнику соучастие в покушении на это преступление. Это противоречит предписаниям ч. 5 ст. 34 УК РФ.

Результаты проведенного нами опроса показывают, что большинство сотрудников правоприменительных органов склоняются к третьему варианту квалификации (соучастие в оконченном более тяжком преступлении, изначально запланированном соучастниками), который получил поддержку свыше 60 % опрошенных. В то же время значительная часть экспертов (чуть менее 40 %) поддерживает четвертый вариант уголовно-правовой оценки (соучастие в фактически совершенном менее тяжком преступлении). Причем принципиальное различие между этими подходами заключается в несовпадающем понимании эксцесса исполнителя – одни считают, что он в рассматриваемых кейсах есть, а другие его не усматривают.

Вступая в эту теоретико-прикладную дискуссию, отметим отправную точку – констатировать эксцесс исполнителя можно лишь тогда, когда фактически совершенное им преступление не охватывалось умыслом иных соучастников. В таком случае уголовно-правовая оценка обсуждаемых ситуаций зависит от ответа на ключевой вопрос – охватывается ли фактически совершенное исполнителем менее тяжкое преступление умыслом иных соучастников, которые договорились совершить более тяжкое преступление?

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, нужно понимать, что единый умысел соучастников определяет рамки, в границах которых должен действовать (бездействовать) исполнитель (именно рамки, а не единственно возможную линию преступного поведения). Поэтому договоренность соучастников о применении конкретного

способа совершения преступления нельзя воспринимать в качестве некоего предельно четкого «технического задания», отклонение от которого разрушает единство умысла. Эта договоренность задает верхнюю границу, за которую не должен выходить исполнитель. И если исполнитель превышает этот верхний предел, применяя более опасный способ совершения преступления, то он, безусловно, выходит за рамки единого умысла соучастников, что позволяет констатировать эксцесс.

При этом нижняя граница единого умысла определяется целью совместных действий соучастников – допустим, похитить определенное имущество, убить конкретного потерпевшего, осуществить сбыт наркотиков. Выход исполнителя за эту границу, т. е. совершение им действий, идущих вразрез с совместной целью (например, уничтожение чужого имущества вместо его хищения, причинение потерпевшему побоев вместо его убийства), полностью разрушает соучастие.

Если же исполнитель реализует общую цель соучастников и не превышает при этом верхнюю границу согласованных с ними действий, то он не выходит за рамки единого умысла соучастников, даже если модифицирует заранее оговоренный способ совершения преступления. В субъективной плоскости совместность как признак соучастия в преступлении предполагает, что все соучастники относятся к совместно совершаемому преступному деянию как к «своему». Применение исполнителем менее опасного способа совершения преступления, при условии, что общая цель соучастников была достигнута, не делает преступное деяние исполнителя «чужим» для остальных соучастников. Иными словами, в этом случае менее опасное деяние, фактически совершенное исполнителем, остается в границах единого умысла, не выходит за его рамки, что исключает эксцесс исполнителя.

Проецируя вышеизложенные рассуждения к первому кейсу, необходимо признать, что фактически совершенное исполнителем «простое» убийство полностью охватывается умыслом подстрекателя, даже несмотря на то, что он склонял исполнителя к убийству общеопасным способом. Исполнитель совершил именно то преступление, к которому его склонял подстрекатель – убил того же самого потерпевшего, которого планировалось убить. Применение исполнителем менее опасного способа убийства не выводит фактически совершенное преступление за рамки единого умысла соучастников. А значит, эксцесс исполнителя отсутствует, в связи с чем подстрекатель должен нести ответственность за подстрекательство к «простому» убийству.

Точно также и во втором кейсе умыслом подстрекателя полностью охватывается хищение чужого имущества, совершенное исполнителем, ведь он похитил именно то имущество, о хищении которого договаривался с подстрекателем, причем в том же размере. Следовательно, правила квалификации, предусмотренные ст. 36 УК РФ, здесь не применимы, в связи с чем действия подстрекателя необходимо квалифицировать как подстрекательство к фактически совершенной краже.

Дополнительным аргументом в пользу предложенной квалификации могут служить правила квалификации соучастия в неоконченном преступлении. Если исполнителю преступления по независящим от него обстоятельствам не удалось довести преступление до конца, то в силу ч. 5 ст. 34 УК РФ организатор, подстрекатель и пособник должны нести ответственность за соучастие в неоконченном преступлении. Например, исполнитель, реализуя единый с другими соучастниками умысел на убийство, выстрелил в потерпевшего из винтовки, но промахнулся. Действия пособника необходимо квалифицировать как пособничество в покушении на убийство (ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ), хотя они были нацелены на совершение окончательного убийства. В основу этого правила квалификации, имеющего выраженную акцессорную природу, положена уголовно-правовая презумпция, согласно которой окончательное преступление «поглощает» неоконченное, а умысел на совершение окончательного преступного деяния по умолчанию охватывает совершение неоконченного преступления. Иными словами, законодатель презюмирует, что умыслом соучастников охватывается не только окончательное преступление, но и неоконченное преступление. Поэтому «эксцесс в меньшую сторону» здесь не возникает, в связи с чем действия организатора, подстрекателя, пособника квалифицируются как соучастие в фактически совершенном исполнителем покушении на преступление.

На той же логике основана и квалификация рассматриваемых выше кейсов. Умысел соучастников на совершение запланированного преступления охватывает совершение исполнителем того же преступления, осуществленного менее опасным способом, что исключает эксцесс исполнителя.

Итак, в обсуждаемых ситуациях, когда исполнитель совершает согласованное с иными соучастниками преступление менее опасным способом, «эксцесс в меньшую сторону» усматривать нельзя. Такой эксцесс возможен лишь в крайне редких (если не сказать исключительных) случаях.

Например, А. и Б. совершали кражу чужого имущества (скажем, велосипеда) группой лиц по предварительному сговору, их действия были обнаружены собственником имущества, после чего А. убежал с места совершения преступления, а Б. продолжил противоправные действия – попытался скрыться с похищенным, однако сделать этого не сумел (упал с велосипедом, после чего бросил его и убежал).

По правилам уголовно-правовой оценки «перерастания» преступлений (пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое») действия Б. необходимо квалифицировать как покушение на единолично совершенный грабеж (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 161 УК РФ), причем в силу предписаний ст. 36 УК РФ А. привлекать к ответственности за грабеж нельзя, поскольку Б. допустил эксцесс. При этом действия А. следует квалифицировать как покушение на групповую кражу (ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ), ведь он выполнил часть объективной стороны кражи совместно с Б. [10, с. 6–7].

Но парадокс ситуации заключается в том, что санкция ч. 1 ст. 161 УК РФ является более мягкой, чем санкция ч. 2 ст. 158 УК РФ. А значит Б., допустивший эксцесс исполнителя, совершил менее тяжкое преступление, чем А. Возникает тот самый «эксцесс в меньшую сторону», причем появляется он парадоксальным образом вследствие применения соисполнителем более опасного способа совершения хищения.

Похожая ситуация может возникнуть при соучастии в хищении с распределением ролей. Подстрекатель склонил исполнителя к краже имущества с причинением значительного ущерба гражданину, а исполнитель похитил это имущество путем грабежа, т. е. допустил эксцесс. С учетом направленности умысла действия подстрекателя нужно квалифицировать по ч. 4 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а эксцессные действия исполнителя – по менее тяжкой ч. 1 ст. 161 УК РФ (напомним, что в ст. 161 УК РФ квалифицирующий признак «с причинением значительного ущерба гражданину» отсутствует).

Нетрудно заметить, что в приведенных примерах «эксцесс в меньшую сторону» возникает вследствие несогласованности квалифицирующих признаков, а также санкций ст. 158 и 161 УК РФ, при конструировании которых законодатель должным образом не учел различия в степени общественной опасности кражи и грабежа. Если устранить эти законодательные просчеты, «эксцесс в меньшую сторону» станет невозможным.

Список источников

1. Толстопятова Н. В. Эксцесс соучастников в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2004. 27 с.
2. Капинус О. С., Ображиев К. В. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. 2018. № 2. С. 42–51.
3. Корчагина А. Ю. Эксцесс исполнителя преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 23 с.
4. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. 406 с.
5. Иванова Л. В. Особенности квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя преступления // Российский следователь. 2013. № 7. С. 24–26.
6. Ситникова А. Квалификация действий соучастников преступления при эксцессе исполнителя // Уголовное право. 2009. № 5. С. 76–77.
7. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2000. 198 с.
8. Капинус О. С., Ображиев К. В. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. 2018. № 2. С. 42–51.
9. Ображиев К. В. Влияние результатов уголовно-правовой оценки действий (бездействия) исполнителя на квалификацию деяний иных соучастников преступления // Законность. 2016. № 8 (982). С. 29–34.

10. Ображиев К. В. Проблемы установления формы соучастия при квалификации групповых преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4. С. 4–13.

References

1. Tolstopyatova N. V. Ekstsess souchastnikov v ugolovnom prave [The excess of accomplices in criminal law]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Rostov-on-Don, 2004. 27 p. (In Russ.).

2. Kapinus O. S., Obrazhiev K. V. Ekstsess ispolnitelya i inykh so-uchastnikov prestupleniya: problemy kvalifikatsii [The excess of the perpetrator and other co-participants of the crime: problems of qualification]. *Ugolovnoe pravo*, 2018, no. 2, pp. 42–51. (In Russ.).

3. Korchagina A. Yu. Ekstsess ispolnitelya prestupleniya [The excess of the perpetrator of the crime]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2005. 23 p. (In Russ.).

4. Arutyunov A. A. Souchastie v prestuplenii [Complicity in a crime]. Moscow: Statut Publ., 2013. 406 p. (In Russ.).

5. Ivanova L. V. Osobennosti kvalifikatsii deistvii souchastnikov pri ekstsesse ispolnitelya prestupleniya [Features of the qualification of the actions of accomplices in the excess of the perpetrator of the crime]. *Rossiiskii sledovatel'*, 2013, no. 7, pp. 24–26. (In Russ.).

6. Sitnikova A. Kvalifikatsiya deistvii souchastnikov prestupleniya pri ekstsesse ispolnitelya [Qualification of the actions of accomplices in the crime of the excess of the performer]. *Ugolovnoe pravo*, 2009, no. 5, pp. 76–77. (In Russ.).

7. Galiakbarov R.R. Bor'ba s gruppovymi prestupleniyami. Voprosy kvalifikatsii [Fight against group crimes. First of all, qualifications]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University Publ., 2000. 198 p. (In Russ.).

8. Kapinus O. S., Obrazhiev K. V. Ekstsess ispolnitelya i inykh souchastnikov prestupleniya: problemy kvalifikatsii [Excess of the perpetrator and other co-participants of the crime: problems of qualification]. *Ugolovnoe pravo*, 2018, no. 2, pp. 42–51. (In Russ.).

9. Obrazhiev K. V. Vliyanie rezul'tatov ugolovno-pravovoi otsenki deistvii (bezdeistviya) ispolnitelya na kvalifikatsiyu deyanii inykh souchastnikov prestupleniya [Influence of the results of the criminal legal assessment of the actions (inaction) of the performer on the qualification of the acts of other co-participants in the crime]. *Zakonnost'*, 2016, no. 8 (982), pp. 29–34. (In Russ.).

10. Obrazhiev K. V. Problemy ustanovleniya formy souchastiya pri kvalifikatsii gruppovykh prestuplenii [Problems of establishing the form of complicity in the qualification of group crimes]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, 2017, no. 4, pp. 4–13. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Гюлбанкян – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия.

Information about the author

A. A. Gyulbankyan – postgraduate student, Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 18.05.2023.

The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 18.05.2023; accepted for publication 18.05.2023.